

§ 6. Философия языка

«Разложение» славянофильства, вызванное критическими усилиями Леонтьева и Соловьева, отнюдь не означало, что оно вообще утратило всякое философское значение. Напротив, славянофильство, перестав быть «чистой» идеологией, все более начинает трансформироваться в сторону осмысления философско-научных проблем, связанных с историей, этнологией, политической географией и т. д. Уже в раннем славянофильстве наблюдается повышенный интерес к философии языка, или словологии, которая тесно увязывается с обсуждением проблем национальной самобытности, формирования самосознания общества. Позднее русская словология органично входит в общую теорию познания, представляя ее самобытный раздел, наряду с гносеологией, которая разрабатывалась преимущественно западноевропейской философией.

Философия языка в России находит свое выражение в трех основных направлениях – *формалистическом, психологическом и онтологическом.*

1. Становление и развитие формалистического направления в отечественной философии языка прежде всего связано с именем видного представителя славянофильства – *Константина Сергеевича Аксакова* (1817–1860).

Он родился и вырос в семье писателя Сергея Тимофеевича Аксакова. В пятнадцатилетнем возрасте поступил в Московский университет, который окончил в 1835 г. со званием кандидата словесного отделения. В 1846 г. Аксаков защитил магистерскую диссертацию «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка». Основные его произведения: «Опыт русской грамматики» (работа не была завершена), «О русских глаголах», «Критический разбор “Опыта исторической грамматики русского языка” Ф. Буслаева», «О грамматике вообще (По поводу грамматики Белинского)», «Несколько слов о нашем правописании». Существуют как советские, так и постсоветские издания работ мыслителя.

Основу философии языка Аксакова составляет учение о формах слов и их основных значениях. Форма слова есть главный признак, посредством которого выражается соотношение языка и мысли, способ, каким осуществляется бытийность языка народа и появляется возможность объяснить его «дух». Но она не является чем-то самодовлеющим, существующим сама по себе. Аксаков отмечает, что как в природе через форму, через внешнее, идея, внутренне оп-

ределяясь, становится в разряд явлений, так и в языке значение слова, выраженное в корне, входит в систему языковых категорий только через форму. Если язык есть бессознательно данная народу разумная форма, то слово «само создано человеком от природы»¹. Связанное с природой человека, слово в материи языка обретает свою объективность, близкую развивающемуся духу. Оно все проникнуто духом, через него просвечивается мысль. Слово придает мысли «конкретность существования, выражения, формы. Оно тело мысли. В своих сочетаниях с другими словами, частицами, облеченное в звуковую плотность, «слово образует язык»². Язык представляет собой форму, в которой «сама мысль окончательно здесь является», в нем всегда мысль, «слово выразило ее»³. Мышление, как выражение предмета в знании, не может существовать без соответствующего ему языка. Язык есть необходимая принадлежность разума, конкретно явившего, выразившего обладание природой через сознание и только через это обладающего ею. Слово – «это голос сознающего разума, данного свыше»⁴. Язык и мышление не могут быть отделены друг от друга, поскольку один выразился в другом. Неразрывная связь мышления и языка, по убеждению мыслителя, указывает на способность человека охватить мир посредством языка.

Размышления о природе языка и слова подводят Аксакова к вопросу о свойствах языка. В качестве атрибутивных свойств языка он рассматривает свободу, бытийность, существование языка в пространстве и времени. Характеризуя эти свойства применительно к родному языку, он в первую очередь указывает на внутренне присущую ему свободу как «существеннейшее свойство русского языка»⁵, которое, по мнению мыслителя, вызвано глубокой сущностью самого русского народа. Вечное движение языка и мысли, подтверждаемое историей русского языка, было бы, считает Аксаков, невозможным вне свободы духа. Развитие обуславливает свободу, а свобода невозможна без развития. Русский язык – это развивающееся целое, где «ни одна буква не застоялась, в нем каждый звук

¹ Аксаков К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка // Полн. собр. соч. В 3 т. Т. 2. Ч. 1. – М., 1875. С. 327.

² Аксаков К.С. О грамматике вообще (По поводу грамматики г. Белинского) // Там же. С. 4.

³ Аксаков К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. – С. 296, 322.

⁴ Аксаков К.С. Опыт русской грамматики // Полн. собр. соч. В 3 т. Т. 3. Ч. 2. – М., 1880. С. 1.

⁵ Аксаков К.С. Несколько слов о нашем правописании // Полн. собр. соч. Т. 2. – С. 406.

живет и изменяется»¹. Сопоставляя русский язык с немецким и французским, Аксаков пытается обосновать состояние свободы как всестороннюю развитость форм разговорного и письменного русского языка, соединяющего в себе достоинства и того и другого.

Бытие слова, языка – это особый мир, со своими законами, где сознание, разум как бы уравнились с бытием природы. Этот мир языка, как и природа, живет и развивается в пространстве и во времени. Пространство и время выступают теми необходимыми формами существования, посредством которых функционирует и развивается язык, распределяясь по своим ролям (частям речи) в зависимости от выражаемых качеств, действий или отношений. Эти свойства логично вытекали из представлений Аксакова о конкретно-исторической среде обитания языка народа. Он был убежден, что без последовательного осмысления смысла слова во времени невозможно установить его подлинное значение. Пространство языка существует в строго определенном времени, что позволяет языку быть адекватной формой выражения бытия народного духа. Аксаков отмечает склонность русского языка к пространственно-событийному представлению реальности бытия народа.

«Под этими двумя формами предстала природа в понятии человека: под формою пространства, как предмет, под формою времени, как действие»².

В слове пространство выступает в виде имени, а время в виде глагола. Эти две части речи, будучи главными в языке, являются наиболее общими, и в процессе отвлечения человеческой мысли от общего к конкретному имеют свои дальнейшие определения в разных частях речи. Методом философской дедукции и диалектического анализа Аксаков выводит систему грамматических категорий русского языка, взяв за исходное имя существительное и глагол.

В философии языка Аксакова особое место отводится глаголу, в котором, по мнению мыслителя, сильнее всего обнаруживается национальное своеобразие русского языка.

«Глаголы нашего языка остаются во всей своей непокорной самостоятельности, не поддающейся теоретическим объяснениям»³.

¹ Аксаков К.С. О грамматике вообще. – С. 13.

² Там же. С. 6.

³ Аксаков К.С. О русских глаголах // Полн. собр. соч. Т. 2. – С. 409.

Система русского глагола, считает Аксаков, отлична от глаголов других языков прежде всего отсутствием форм времени, кроме настоящего.

«Но настоящее одно, без понятия прошедшего и будущего, не есть уже время: это бесконечность... следовательно, и так называемое настоящее русского глагола, независимо от времени, высказывает не время, а нечто другое»¹.

В русском глаголе ярче всего выступает качество действия или степень, характер его осуществления. В этом, по мысли Аксакова, заключается источник единства и цельности русской глагольной системы. Он различает три способа, или три вида, выражения действия: однократный, неопределенный и многократный. Категория вида выступает у Аксакова как центр спряжения в русском языке. Все видовые формы – «формы одного и того же глагола, но формы не времени, а качества действия; понятие же времени... есть выводное из качества действия»². Поэтому русские глаголы отличаются необыкновенным многообразием психологических оттенков.

«Глагол в русском языке выражает самое действие, его сущность... Язык наш обратил внимание на внутреннюю сторону или качество действия, и от качества уже вывел, по соответствию, заключение о времени... Вопрос качества, вопрос: *как?* есть вопрос внутренний и обличает взгляд на сущность самого действия; вопрос времени, вопрос: *когда?* есть вопрос поверхностный и обличает взгляд на внешнее проявление действия. Я нисколько не завидую другим языкам и не стану натягивать их поверхностных форм на русский глагол»³.

Философско-лингвистические рассуждения Аксакова содержат немало положений, указывающих на неисчерпаемые познавательные возможности, заложенные в языке. Человек, от природы обладая данным ему сознанием, получает «власть овладевать предметом и становить оный собственностью разума»⁴. Благодаря слову природа во всей своей естественности становится доступной человеку. Как только человек «сознал ее, произнес слово, назвал», она в его руках, вся перешла в его внутренний мир и стала его собственностью, подвластной его разуму. Но поскольку сознание без выраже-

¹ Аксаков К.С. Опыт русской грамматики. – С. 403.

² Аксаков К.С. О русских глаголах. – С. 417.

³ Там же. С. 414, 416.

⁴ Аксаков К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. – С. 327.

ния быть не может, то решающая роль Аксаковым отводится слову, которое «есть выражение сознания»¹.

С помощью слова человек строит разумную жизнь, ибо «в слове все разумно»². Язык является словесным выражением разумного, воплощением соборного разума народа. Аксаков убежден, что «русский язык ближе всех к языку первоначальному и в особенности удержал разумную сторону слова»³. Истоки его разумного начала мыслитель связывает с идеей соборности, как «единства во множестве», где истина есть результат работы соборного разума, воплощающего мысленную работу каждого из его членов. Отсюда убеждение, что язык – это «неразрывный синоним народа», «язык – народ»⁴.

2. На формирование и развитие психологического направления в отечественной философии языка наиболее существенное влияние оказал *Александр Афанасьевич Потебня* (1835–1891).

Он окончил историко-филологический факультет Харьковского университета (1856). В 1860 г. защитил магистерскую диссертацию «О некоторых символах в славянской народной поэзии», а в 1874 г. – докторскую: «Из записок по русской грамматике». Через год получил кафедру истории русского языка и литературы в Харьковском университете, которую занимал до конца жизни. В своих работах «Мысль и язык», «Из записок по теории словесности», «Из лекций по теории словесности» ученый изложил собственную программу философского изучения языка, которую выстраивал на основе сближения языкознания с психологией.

Восприняв аксаковское учение о форме слова, Потебня обратил внимание на необходимость уяснения роли слова не только как средства выражения мысли, но и как психологического образа, обусловливающего процесс понимания. Возникновение психологического образа он связывает с понятием «внутренняя форма слова». Познавательная ценность этого понятия состоит в том, считает Потебня, что оно выступает как способ, каким мысль достигает более полного знания о предмете. Конечно, отмечает он, обычно люди не обращают внимания ни на языковое оформление мыслей, ни на внутреннюю форму слова. Но если не всегда, то довольно часто

¹ Аксаков К.С. О грамматике вообще. – С. 3.

² Аксаков К.С. Опыт русской грамматики. – С. III.

³ Аксаков К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. – С. 337.

⁴ Аксаков К.С. Опыт русской грамматики. – С. XVIII.

сознательно или бессознательно определенные языковые выражения вызывают у них те или иные ассоциации. Это объясняется тем, что благодаря своей внутренней форме те или иные слова приобретают знаковый характер и, соответственно, способствуют возникновению однозначной реакции людей на явления, обозначаемые данными словами или суждениями.

Характерное для психологического направления энергичное, деятельностное понимание языка и речи, где и внутренняя форма также энергична, обусловило понимание познания как процесса, представляющего «бесконечное снятие покровов истины»¹. Деятельностное понимание языка сообщает подвижность и динамичность мысли.

«Если бы язык был выражением готовой, уже сложившейся мысли, то он имел бы значение только для своего создателя»².

Человека, считает мыслитель, характеризует не знание истины, а стремление, любовь к ней, убеждение в ее бытии. Поэтому познание предстает как никогда непрекращающаяся работа духа, осуществляемая в тесном взаимодействии с деятельностью языка. На примере научного познания ученый показывает его неисчерпаемость: «чем лучше понимаем научный факт, тем более поражаемся неполнотою его разработки»³.

Познавательный процесс исследуется Потебней прежде всего со стороны соотношения в языке чувственного образа и абстрактного значения. Это соотношение носит исторический характер и в зависимости от ролей в нем образа или значения определяет ту или иную форму познания – мифологическую, поэтическую или научную. Исходя из того, что мысль по содержанию есть или образ, или понятие, Потебня разграничивает образное (поэтическое) и понятийное (прозаическое или научное) мышление. С его точки зрения, поэзия и наука – это основные формы познания при помощи слова, причем «не какие-нибудь временные формы мысли, от которых человечество может отделаться с развитием, а постоянные, находящиеся в известном взаимодействии»⁴. Рассматривая поэзию как особый и незаменимый вид познания, Потебня представляет ее в

¹ Потебня А.А. Из записок по теории словесности // Там же. С. 238.

² Потебня А.А. Психология поэтического и прозаического мышления // Там же. С. 227.

³ Потебня А.А. Мысль и язык // Там же. С. 180.

⁴ Потебня А.А. Из лекций по теории словесности // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М., 1976. С. 487.

аналогиях с наукой, указывая на общность их целей, на их взаимодействие в прогрессе человечества. Относя поэзию и науку к теоретической деятельности, ученый видит их задачу в духовном развитии человека. Первые, подлинно осознанные шаги познания, связаны, считал ученый, с поэтическим восприятием мира. Оно опережает научное мышление в своем развитии и предшествует ему.

Поэзия является «могущественным донаучным средством познания природы, человека и общества. Она указывает цели науке, всегда находится впереди нее и незаменима ею вовеки»¹.

Научное познание всегда уже и беднее поэтического и самой действительности, поскольку исследует лишь какую-либо одну ее сторону. Птица, например, имеет симметричное строение тела – это научная истина. Но разве она исчерпывает все представление о птице, задается вопросом Потебня. Он подчеркивает, что научный факт, научная истина – это всего лишь точка, через которую можно провести бесконечное множество кривых, замыкающих собою одну плоскость, а сколько же надо таких кривых, если учесть множество плоскостей? К тому же, нельзя не видеть того, что закон, научная истина – неподвижны, а живое явление, действительность изменчивы. Отсюда он заключает, что здесь гибкость, эластичность и всеобъемлемость поэтического образа имеет свои преимущества. Разложить его на научные уравнения одноплоскостного плана невозможно, потому что истинность и глубина его могут измеряться лишь самой действительностью.

Потебня в полной мере осознает сложность перехода от поэтического освоения мира к научному. Он отмечает, что наука вытекает не прямо из поэзии, а из приготовленной ею мысли, которая «стремится внести связь и законченность в разнообразие чувственных данных»². Развивая это положение, ученый делает вывод, что научное познание мира, в свою очередь, дает толчок к новому поэтическому обобщению. Таким образом, поэзия постоянно служит источником науки, которая, в свою очередь, питает поэзию на качественно новом уровне.

Убежденный в том, что никакая работа мышления невозможна без участия языка, Потебня в работе «Из записок по русской грамматике» обращается к выяснению роли грамматических категорий как форм мышления и познания. Им разрабатывается учение о речи

¹ Потебня А.А. Из записок по теории словесности. В 3 т. Т. 3. – Харьков, 1905. С. 72.

² Потебня А.А. Мысль и язык. – С. 179.

или, как он уточняет, речи-мысли, суть которого в том, что человеческая мысль удовлетворяет потребность познания и понимания действительности не только в искусстве, науке, но и в развитии речи, ее грамматических категорий.

«Знания имеют формы, которые зависят от форм языка, образующих и образуемых; таковы слово, предложение, часть речи... С изменением грамматических разрядов изменяются и разряды мысли»¹.

Связь мыслительной деятельности с речью выражается в особой роли, выполняемой частями речи в предложении. Предложение как бытийственная форма речи представляет собой, по мнению Потебни, единство имени существительного и глагола, как двух основных форм мышления – *именной* и *глагольной*. Появление в процессе эволюции языка новых грамматических категорий оказывает свое влияние на доминирование той или иной формы мысли и на ее воплощение в речи человека. Создав особую грамматическую категорию прилагательного, язык тем самым ограничил сферу существительного, занимаемую в сознании человека категорией субстанции, способствовал устранению из мышления субстанций, ставших мнимыми². Еще более этот процесс усилился после выделения из синкретизма первобытного слова такой части речи, как глагол, который все более и более развивает отвлеченность мысли, обозначая действие, процесс. Глагол, согласно Потебне, – это высшая, наиболее отвлеченная, конструктивная и прогрессирующая категория языка. Если именной строй мышления состоит «из одних названий отвлеченностей», то глагол, напротив, противостоит имени. Причина этого противостояния объясняется Потебней с позиций психологизма. Поскольку глагол не просто обобщает действие, но и имеет отношение к действующему лицу, постольку в нем присутствует субъективный момент. С выделением глагола осуществляется переход от именного строя предложения к глагольному. Это означало большую логическую концентрацию речи, устранение раздробленности в предложении и мыслительном акте, достижение надлежащей связности и единства в языке.

Прослеживая на материале истории языка развитие частей речи, Потебня приходит к философскому выводу о том, что эволюция частей речи – это эволюция категорий гносеологии. Закон эволю-

¹ Цит. по: *Ветухов А. Александр Афанасьевич Потебня* // Русский филологический вестник. – Варшава, 1898. С. 64.

² См.: *Овсянко-Куликовский Д.Н. А. А. Потебня как языковед-мыслитель*. – Киев, 1893. С. 53.

ции мысли состоит в том, что с изменением грамматических форм в языке изменяются и формы мысли. Ученым провозглашается умирание субстанциального взгляда на мир в связи с доминирующим развитием глагольных форм в языке, языковая модель которых отражает энергичное восприятие мира и бытийность его субъекта – человека. Это означает переход от мира бессвязных сущностей к миру целостному, объединенному универсальными изменениями и общим ходом процессов в объективном мире.

3. Видным представителем онтологического направления в русской философии языка является *Алексей Федорович Лосев* (1893–1988), выдающийся филолог и историк эстетики, ученик Флоренского.

Лосев родился в Новочеркасске. В 1915 г. он окончил историко-филологический факультет Московского университета по двум отделениям – философии и классической филологии. За написание книги «Диалектика мифа», где он открыто отвергал марксизм, в апреле 1930 г. был арестован и приговорен к десяти годам лишения свободы. Однако благодаря ходатайству Е. П. Пешковой, первой жены писателя Максима Горького, был вскоре освобожден. Преподавал античную эстетику в Московском государственном педагогическом институте и других московских вузах. В работах «Философия имени» (1927), «Античный космос и современная наука» (1927), «Вещь и имя» (1929), «Диалектика мифа» (1930), «Очерки античного символизма и мифологии», «Имяславие» истолковывал имя как выражение изначальной сущности мира.

В лингвофилософии Лосева центральное место занимает трактовка имени как универсальной основы всего сущего. В имени он видит то «сгущение мысли», в котором сконцентрированы в ясной и отчетливо выраженной форме все проблемы и все силы, свойственные слову вообще. Свойства, которыми обладает имя, – это в равной мере и свойства слова, но в имени они более отшлифованы и очевидны. Граница между словом и именем в одно и то же время условна и абсолютна.

«Без слова и имени нет вообще разумного бытия, разумного проявления бытия, разумной встречи с бытием... невозможно все-таки, немислимо отрицать могущество и власть слова, в особенности в наше, пусть позитивистическое время. Слово – могучий деятель мысли и жизни... Без слова нет ни общения в мысли, в разуме, ни тем более

активного и напряженного общения. Нет без слова и имени также и мышления вообще»¹.

«В слове, и в особенности в имени, – все наше культурное богатство, накапливаемое в течение веков... В слове и имени – встреча всех возможных и мыслимых пластов бытия»².

«Тайна слова заключается... в общении с предметом и в общении с другими людьми. Слово есть выхождение из узких рамок замкнутой индивидуальности. Оно – мост между “субъектом” и “объектом”. Живое слово таит в себе интимное отношение к предмету и существенное знание его сокровенных глубин... Имя предмета – арена встречи... познающего и познаваемого. В имени – какое-то интимное единство разъятых сфер бытия, единство, приводящее к совместной жизни их в одном цельном, уже не просто “субъективном” или просто “объективном”, сознании... Без слова и имени человек – вечный узник самого себя»³.

Предметом имени у Лосева является *эйдос* (идея) какой-нибудь сущности, причем она неразъединима с эйдосом. Именованье, или энергия сущности, есть та смысловая картина, которая рождается в процессе осмысления материи тем или другим субъектом. Лосев формулирует понимание имени как идеи, улавливающей и очерчивающей эйдос, существо предмета. Он подчеркивает, что диалектически вывести имя и значит вывести всю сущность со всеми подчиненными моментами. Это становится возможным в силу того факта, что идея представляет собой «адекватный коррелят предметности», поскольку она появляется в результате отождествления «интеллекта» с «вещью». Идея (эйдос), как явление сущности, обнаруживает себя в имени. Поэтому вечное погружение сущности в «инобытие» есть бесконечное развитие имени.

Многотрудный путь сущности в познании своей идеи предстает в «Философии имени» Лосева в виде иерархической системы, зафиксированной с помощью 67 категорий и представляющих собой те мысленные узлы, которые образуют «лестницу разной степени словесности», логическую систему, посредством которой организуется работа человеческого ума. Философ справедливо усматривает в судьбе слова судьбу самой сущности, ради которой оно возникает и глубину познания которой оно воплощает в своих формах. «Дойти до слова и значит дойти до смысла»⁴. В своих лингвофилософских

¹ Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. – М., 1993. С. 627.

² Там же. С. 628.

³ Там же. С. 642.

⁴ Там же. С. 135.

построениях Лосев приходит к выводу, что «сама сущность есть не что иное, как имя. Имя, слово есть как раз то, что есть сущность для себя и для всего иного»¹.

Прослеживая развитие имени, Лосев показывает, что этот процесс имеет энергийный характер, посредством которого осуществляется воплощение сущности. Подобно движению идеи у Платона от Единого, через Ум и Душу, к Космосу, имя в философских построениях Лосева проходит различные ступени взаимоопределения смысла, сущности, на каждой из которых слово обладает особой формой бытийствования. Он придает методологический характер положению о взаимосвязи сущности и энергии для познавательной деятельности: «Только в своих энергиях сущность и познаваема»².

Определение имени через сущность и энергию составляет исходные посылки лингвофилософских построений Лосева, посредством чего он создает целостное и логически выдержанное учение о его онтологической природе. Вся система философских построений в работах Лосева зиждется на доказательстве бытийственности имени и пронизана убеждением, что язык и есть тот вид бытия, для которого присуще единство сущности и энергии, синтез апофатизма и символизма, или в иных терминах – онтологизма и персонализма. Религиозно-философская традиция православного энергетизма и апофатической диалектики реализована в философии имени Лосева в наиболее последовательном и систематизированном виде.

В «Философии имени» Лосев выстраивает наиболее полную систему доказательств бытийственности слова, которая, во-первых, исследует язык вне его отношения к человеческому субъекту, безотносительно к его языковой деятельности. При этом он опирается на религиозно-философскую традицию, рассматривающую язык как одну из форм энергийной эманации божественной сущности (Первосущности, в его терминологии). Сущность, при этом подходе, облекает себя в языковые формы сначала для себя и только потом для «другого», для инобытийного воплощения в человеческом сознании. Самоименование предстает как необходимый способ выделения себя из инобытия, не-сущего. Человеческое сознание в данном случае лишь возможная, но необязательная субстанция воплощения языка. Во-вторых, Лосев обращается к субъектно-онтологическому изучению слова в его человеческом воплощении, что позволяет обосновать, несмотря на свойственные человеку искажения чистой

¹ Там же. С. 127.

² Там же. С. 89.

сущности энергий в языке, онтологическое родство природы слова в обеих сферах. Слово, по мнению Лосева, представляет собой встречу возможных и мыслимых пластов бытия, место встречи Бога и мира. Акт образования слова – это, по Лосеву, постоянно осуществляющееся погружение сущности (вещи, предметной сущности) в разные пласты бытия. В терминологии Лосева, «вещь» – это не чувственный объект внешнего мира, но сущность, понятие, которое частично отождествляется в философии имени в смысловом отношении с понятиями «имя», субъект. Все они укоренены в бытии и равнозначимы.

В основу своей онтологии слова Лосев положил понятие сущего, которое, как его понимал Соловьев в учении о всеединстве, выше любых признаков и свойств, выше определений, выше множественности и разделяемости. Оно противостоит бытию, разделяющемуся и структурируемому. Только через отношение сущего к другому, а именно – к бытию, оно утверждает и выявляет себя. Подобно тому, как в системе Соловьева восхождение к Богу представляет собой эволюцию бытия от минерального царства – через растительное и животное – к человеческому, а затем, после явления Христа, к Богочеловечеству, в логической схеме Лосева процесс образования слова, как воплощения сущности, также представляет иерархическое движение в направлении к Имени Божию, Первосущности.

Низшей ступенью при образовании слова является фонема – смысл здесь оформляется в подлежащих распознаванию членораздельных звуках. Лосев, говоря о «звуковой оболочке» слова, противопоставляет ее смысловому ядру, тяготеет к тому, чтобы звуки считать случайным символом значения и не стремится заполнить пропасть между звуковой формой слова и его значением. Для него материя звука является помехой для адекватного обнаружения слова, его смысла. Отбрасывая звуки, считает философ, мы тем самым удаляем индивидуальное, случайное, проявляющееся в речи, и получаем *ноэму*, мысленное существо слова. Ноэма представляет собой коррелят предмета в сфере понимания, «результат меонального оформления предметно-сущего»¹. Но она еще не есть последнее основание слова. Для этого необходимо избавиться от всех помех *меона* – не только от звуковых форм одного и того же слова, но и от его отложений в языковом сознании. Лишь после этого мы приходим к «идее», которая есть сам предмет в его инобытии. Это не ка-

¹ Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. – С. 647.

кой-то аспект, как в нозме, но весь предмет целиком, в адекватном его понимании.

Слово, проделав путь от фонемы к идее через различные пласты бытия, обретает в его недрах предмет как он дан сознанию. Явление сущности при этом сопровождается усвоением энергии, которое составляет неотъемлемую онтологическую характеристику имени. Степеням погружения сущности в меон соответствуют энергемы, и первая из них – физическая энергема, где «слово есть... некоторый легкий и невидимый воздушный организм»¹. На физическом уровне энергема сущностью не обладает, так как физическая вещь живет вся вовне. Здесь торжествует меон, не-сущее. Но дальше посредством диалектического отрицания устанавливается, что хотя у слова нет знания себя, но есть знание другого, хотя и не осознанного. Здесь смысл как бы пробивается через толщу меона и появляется раздражение, что соответствует органической энергеме. На этой стадии слово есть имя, растительный организм. Произведя следующее логическое отрицание – это если слово есть нечто, то оно есть и противоположное этому нечто, – Лосев переходит к энергеме более высокого порядка – к уровню животного, уровню сенсуальности. Обладая ощущением, слово на этой ступени, хотя знает себя и знает другого, но без факта знания этого знания. При этом слово предстает животным криком. Следующий уровень отрицания – уровень субъекта мысли *ноуна*, нозматической энергемы, характеризующей нормальное человеческое слово, когда человек знает себя как себя и другого как другого со знанием этого факта.

Лосев не останавливается на нозматической энергеме и далее утверждает возможность следующего диалектического шага – перехода от сознания нозматического к гипер-нозматическому, когда другой переживается изнутри, как *я*. Тем самым, Лосев обосновывает бытие более высокого состояния слова, познания и самопознания человека. На этой ступени не может быть речи ни о каком многообразии сущностей, есть только одна сущность – Первосущность, адекватно повторенная в инобытии, иначе говоря, существует одно Слово, одно Имя.

Диалектическим путем философ от физического предмета восходит к пребывающему в последней умной глубине всякого имени онтологически первому Имени, Божественному слову.

«Имя не разбито, не оскоблено, не ослаблено со стороны иного. Имя не затемнено, не забыто, не уничтожено, не хулится материей.

¹ Там же. С. 659.

Имя Первосущности сияет во всей своей нетронутости предвечного света в инобытийственной своей мощности, преодолевшей тьму мена. Нет, не было и не будет для такой твари ничего, кроме имени Первосущности, и нет никакого иного имени под небесами, кроме этого»¹.

В этих рассуждениях философа явственно слышны отзвуки имяславческих споров начала XX в. Но если имяславцы и их сторонники утверждали, что в Имени Божиим присутствует своими энергиями сам Бог, то Лосев идет по сути дела дальше. Он, используя диалектический метод, доказывает, что каждое слово глубоко причастно Божественному Логосу, таинственно связано с Именем Божиим. В этом свете философия имени предстает не просто как диалектико-феноменологическая история образования слов, но как учение о космическом и божественном слове, т. е. как космогония и теология. Космогонические представления в ней связаны с формированием материи духом, преобразованием хаоса в космос. Выделение Лосевым физической, растительной, органической, ноэтической энергией сущности есть не что иное, как воплощение идеи о создании Творцом четырех природных царств – минерального, растительного, животного и разумного, что соответствует библейским утверждениям.

Язык, по мнению Лосева, представляет собой разумное воплощение реальности, выражение общего и существенного в ней, слово есть сущность этого явленного бытия. Обратившись к изучению природы языка и его свойств, он стремится к выделению языка в особую реальность не для того, чтобы удобнее было препарировать его по частям, а для того, чтобы в языковых формах, значениях, имени раскрыть богатство и разнообразие объективного мира. Неслучайно первейшими условиями всякого учения об имени философ объявляет, во-первых, «абсолютный апофатизм сущности», поскольку «самое само вещи не уничтожимо никаким именованием»², она существует сама по себе, нетронутая и неопознанная, во-вторых, принципиальное наличие инобытия, различных пластов объективного мира, позволяющих явиться сущности. Слово, язык возникают как явление сущности в инобытии мира в процессе ее именования, выражения.

В работах Лосева отразилось стремление к универсализму, к сочетанию в себе всего лучшего, что накопила философская мысль.

¹ Там же. С. 676–677.

² Лосев А.Ф. Вещь и имя // Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. – С. 875.

В противовес склонной к номинализму европейской философии языка, русская лингвофилософия обосновывала тезис о реальном существовании антропологически-экзистенциальных ценностных ориентиров, подчеркивала видение в человеческом слове результата глубокой «метафизической» работы сознания и мышления.